

БЫВШИЙ ВОЛОГОДСКИЙ АРХИЕПИСКОП АНТОНИЙ (ФЛОРЕНСОВ) В КРУГУ СИМВОЛИСТОВ

Ю. В. Розанов

На экскурсиях по московскому Донскому монастырю, превращенному при Советской власти в музей, гиды обычно показывают покой, в которых в начале 1920-х годов содержался под домашним арестом патриарх Московский и всея Руси Тихон (Белавин). Но мало кто знает, что чуть ранее в этих же самых комнатах двадцать лет жил бывший епископ Вологодский и Тотемский Антоний, в миру Михаил Флоренсов. «Старец-епископ» – так называли его в Москве, и популярность владыки Антония в те годы вполне можно сопоставить со славой знаменитых оптинских старцев. Историк русской церкви митрополит Мануил писал, что владыка Антоний после своей кончины в 1918 году «в Москве считался местночтимым как великий праведник и подвижник. Имя его было занесено во многие сотни и тысячи поминаний верующих Москвы»¹.

Михаил Флоренсов родился 27 августа 1847 года в бедной и многодетной семье пономаря одного из сельских приходов Симбирской губернии. Начальная биография будущего старца-епископа выглядит довольно типично для его времени и сословия. Михаил окончил духовное училище в Симбирске, затем местную духовную семинарию. В 1874 году, после учебы в Киевской духовной академии, он получил степень кандидата богословия. В 1887 году, овдовев, Михаил Флоренсов принял постриг; и в этом же году был возведен в сан архимандрита. Монашеское имя Антоний было дано ему в память преподобного Антония Римлянина, Новгородского чудотворца. Основной специализацией, если можно так выразиться, для архимандрита Антония стала православная

педагогика в самом широком смысле этого понятия, но более всего в то время его интересовали проблемы воспитания и образования духовенства. В этом смысле должность ректора Симбирской духовной семинарии давала архимандриту Антонию хорошие возможности для реализации своих педагогических интенций. Старания и успехи молодого ректора были замечены синодальным руководством, и его карьера стремительно продвигалась. В 1890 году Антоний становится епископом Острожским, викарием Волынской епархии, а еще через четыре года, после кончины епископа Израиля, получает назначение на Вологодскую кафедру.

«Вологодские епархиальные ведомости» сообщали: «В воскресенье, июля 10 дня, сего 1894 года, в одиннадцатом часу утра, с поездом железной дороги прибыл в Вологду новоназначенный на кафедру вологодскую Преосвященнейший Антоний, епископ Вологодский и Тотемский»².

Среди местного духовенства, встречавшего владыку на вологодском вокзале, был и викарий его епархии Варсонофий, волею судеб ставший главным оппонентом и противником Антония. Конфликт, расколовший епархиальное духовенство на два лагеря, возник, насколько можно судить, из-за положения дел в духовных учебных заведениях. Владыка Антоний, не без основания считавший себя специалистом в этой области, обнаружил при инспектировании Вологодской духовной семинарии и Вологодского женского епархиального училища серьезные недостатки и даже злоупотребления. Его возмутил низкий уровень подготовки ряда преподавателей, явно недостаточное материальное обеспечение учебных заведений, невнимательное отношение педагогов к здоровью воспитанников. Владыка со своей стороны принял, быть может, слишком резкие меры к исправлению ситуации и нажил себе, тем самым, немало врагов. В Священный Синод посыпались жалобы и доносы на новоназначенного епископа. Для разрешения конфликта в Вологду приехала специальная синодальная комиссия, которая собирала и документировала свидетельства *pro et contra*. Процитируем один из документов, представленных сторонниками епископа. Кафедральный протоиерей Николай Якубов, отвечая на запрос комиссии, писал: «Преосвященный Антоний – человек души высокой, доброты величайшей, бескорыстия неподкупного, верности долгу беззаветной. Он готов отдать последнее нуждающемуся. О своих личных потребностях и нуждах не заботится, а печется о других, особенно об учащихся детях» (9; 73).

Комиссия Священного Синода, формально признав правоту епископа, все же приняла «соломоново решение». Были наказаны оба главных участника конфликта. Викарий Варсонофий был переведен на аналогичную должность в другую епархию, а епископ Антоний вынужден был подать прошение об увольнении по состоянию здоровья. Он был назначен управляющим в Спасо-Яковлевский Дмитриев монастырь в городе Ростове Ярославской губернии, где и прослужил около трех лет. В феврале 1898 года владыка Антоний был окончательно выведен на пенсию и поселен «на покое» в московском Донском монастыре. В это время ему исполнился всего лишь 51 год. Надо отметить, что субъективно владыка воспринимал свое смещение с Вологодской кафедры как незаслуженную и обидную несправедливость, но будучи истинным христианином никогда не роптал ни на судьбу, ни на своих гонителей. В конце первого года своего пребывания в Донском монастыре он писал в Вологду одной из своих духовных дочерей: «... Часто вспоминаю я о всей Вологде. Один только год я там пробыл. <...> Жаль, что так скоро меня с ней разлучили. Но к утешению моему Евангельская притча о том, что и один час только работавший в винограднике Христовом получил такой же динарий, как и все прочие, работавшие с утра до вечера (МФ;20, 1-16). И в Ростове ... я тоже пробыл недолго. Я, как странник и пришелец среди вас: верно, уж так мне суждено. <...> Еще и то к утешению, что и святые не все на вскрытии, а еще больше под спудом. Значит, не всем нужно светить явно, а больше тайно. Одни, как отцы, должны быть на свободе, на воле, а другие, как матери, должны быть в тереме и в затворе. <...> Теперь я прохожу подвиг материнской любви, но чей подвиг труднее – отца или матери – Вы знаете» (9; 73-74). В этом, по-своему замечательном, эпистолярном документе обращают на себя внимание две идеи епископа. Во-первых, здесь манифестируется смена педагогической парадигмы: от прежней официальной, публичной деятельности по воспитанию «чад духовных» («светить явно») к нынешней неофициальной, даже «затворной» («светить тайно»). Это программа старческого служения. Во-вторых, существенно и принятие епископом статуса изгнанника и явное осознание им привлекательности нового положения. Конечно, чужим («странником и изгнаником») опальный епископ считал себя не по отношению к своим ученикам и сторонникам, как о том говорится в письме, а по отношению к совсем другим лицам и силам, под которыми подразумевалось и синодальное руководство, и, видимо, весь современный ему церковный официоз вообще. Положение изгнанника явно добавило владыке Антонию попул-

лярности, о чём свидетельствуют многочисленные слухи и домыслы о причинах краха так блестательно складывавшейся карьеры. Писательница Н. С. Петровская (Соколова), близкая к московским декадентам, вспоминала, что в ее окружении считали, будто бы Антоний был удален Синодом из Вологодской епархии «за недозволенное совершение чудес» и за несанкционированное использование «дара ясновидения»³.

Перманентное, хотя вовсе не демонстративное, подчеркивание своей опальности было важно для Антония и еще по одной причине. Сама закрепившаяся за ним номинация «старец-епископ» содержала в себе известное противоречие, явное даже для внеконфессионального дискурса того времени. Для пояснения обратимся к мемуарам Н. А. Бердяева. Рассказывая о М. А. Новоселове, руководителе московского православного кружка правой ориентации, Бердяев пишет: «Он признавал лишь авторитет старцев, то есть людей духовных даров и духовного опыта, не связанных с иерархическим чином. Епископов он ни в грош не ставил и рассматривал их как чиновников синодального ведомства, склонившихся перед государством»⁴. Такие взгляды, по крайней мере в интеллигентской среде, были достаточно распространены, то есть оппозиция «старцы - епископы» была актуальной для сознания многих искателей града небесного. Прекрасно сознавая это противоречие, владыка Антоний настаивал на интерпретации понятия «епископ» прежде всего в церковно-историческом ракурсе. Его ученик А. Ельчанинов записал такие высказывания: «Я – епископ Вселенской Церкви. <...> Мы епископы – не даром стоим на орлецах...»⁵. «Помнится около года, – вспоминал тот же автор, – он все требовал от нас (А. Ельчанинова и П. Флоренского. – Ю. Р.) точных справок о слове *episkopeio*, пытаясь через него проникнуть в смысл слова «епископ»⁶. (Попутно отметим, что семантика, основанная на церковной символике орла, представлена в дискурсе владыки Антония также и в игровом аспекте легкой самоиронии: «Я люблю горный воздух, орлиные места – залететь туда, да и считать оттуда ворон. Последнюю тираду он произнес с большой силой, будто грозясь кому-то. В нем самом сразу проглянуло что-то орлиное»⁷).

Русские старцы принимали для наставительных бесед людей всех сословий и званий, и в этом смысле епископ Антоний не был исключением. Только вот письменные свидетельства о встречах и разговорах со старцами остались лишь пишущие люди. Отсюда, видимо, и возникло мнение об особой роли интеллигенции в формировании феномена русского старчества, которое сами интеллигенты и поддерживали. «В те годы, – вспоминал Н. А. Бердяев, – обращенность к старцам была более

характерна для интеллигенции, которая хотела стать по-настоящему православной, чем для традиционно-бытовых православных, которые никогда от традиционного православия не отходили. Старцев почитали не только новые православные, но также далекие от церкви теософы и антропософы. Они видели в старцах посвященных. О старчестве создавался настоящий миф»⁸.

Первым из молодых московских символистов, называвших себя «аргонавтами», с епископом Антонием познакомился А. С. Петровский – юноша, в те годы серьезно размышлявший о принятии духовного сана. Именно Петровский привел осенью 1903 года Андрея Белого в Донской монастырь. В перечне основных «субъективиста»⁹. В последующие полгода Андрей Белый не только неоднократно посещает сам епископа, но и приводит в Донской нескольких близких людей – свою мать, Александру Дмитриевну Бугаеву, А. А. Блока, Н. С. Петровскую, Л. Д. Семенова, З. Н. Гиппиус, Д. С. Мережковского и других. После знакомства с владыкой Блок писал матери: «14-е среда. Утром мы: Бугаев, Петровский и Соколова едем в Донской монастырь к Антонию. Сидим у него, говорим много и хорошо. Любэ – очень хорошо, многое и мне. О Мережковском и «Новом пути». Обещал приехать к нам в Петербург. Прекрасный, иногда грозный, худой с горящими глазами, но без «прозорливости», с оттенком иронии, о схиме, о браке» (письмо от 14-15 января 1904 г.)¹⁰. «Мятежным и удивительным» назвала епископа Антония Зинаида Гиппиус¹¹. А поэт Леонид Семенов, бывший одно время толстовцем, вполне искренне говорил: «Я не знаю, кто больше – Толстой или этот епископ»¹².

Сохранившиеся материалы позволяют определить примерный круг тем, обсуждавшихся на этих встречах: судьбы христианства в современном мире, роль Русской Православной Церкви в отечественной истории, христианские аспекты семьи брака, актуализация внерхристианской и антихристианской мистики среди современных интеллектуалов. Все это довольно близко к той проблематике, которая обсуждалась в то же время на знаменитых Религиозно-философских собраниях в Петербурге, в широком историческом контексте которых и следует рассматривать беседы в Донском монастыре.

Более личные, можно сказать интимные вопросы затрагивались в беседах с Андреем Белым. Болезненно экзальтированный «гений московского символизма» обрушил на старца свои апокалиптические предчувствия, смутные фобии и фантастически мотивированные подозрения. Позже Белый вспоминал, что он даже ездил советоваться с епископом

Антонием по поводу «медиумических явлений» – «шорохов, стуков и шепотов», возникающих вокруг него. Виновником всего этого Андрей Белый вполне серьезно считал... Валерия Брюсова. Понятно, что в таких ситуациях педагогика Антония «не работала». О полном разочаровании поэта в недавнем кумире и наставнике свидетельствует письмо Белого Блоку, приблизительно датируемое апрелем-маем 1904 года: «Ты не то что Антоний, который в меня бросил камнем суровости в тот миг, когда я, и без того разбитый и уничтоженный, ждал от него слов утешения. Кроме всего: он высказал такое незнание меня и в то же время так грубо определил насилино, чем мне нужно быть, что я из гордости решил не подходить к нему ближе, но застегнуться на все пуговицы»¹³. Четвертого мая о своем разрыве с епископом Белый сообщил и А. Петровскому: «У Антония не был. Бог с ним. <...> Наши дороги разные – вот и все»¹⁴. Интересно, что и после разрыва отношений епископ Антоний продолжал внимательно наблюдать за перипетиями судьбы Андрея Белого, он общался с матерью поэта, у них было несколько общих знакомых. Особенно огорчило владыку увлечение Белого теософией. Вновь обратимся к мемуарам А. Ельчанинова: «Из своего заточения Владыка зорко следил за современной жизнью; он был в курсе многих течений, которыми бурлила Москва в мутный период 1908 -1910 гг. <...> Особенно близко к сердцу принимал он частые среди молодежи увлечения ... мистикой. В связи с этим он много мне говорил о поэте Б<елом>. – Это юноша изящный, нежный; ему нужно чистое дело, а не туман. Я давно за ним слежу, но только я человек гордый, самолюбивый, в чужую душу я без приглашения лезть не стану. Вот если бы ко мне сам обратился – это другое дело. Тут я пустил бы в ход свою педагогику. Я начал бы понемногу. Сначала попросил бы его показать мне какое-нибудь свое произведение. Потом стал бы анализировать его, но только не главное, а так, какую-нибудь мелочь, чтобы через эту городьбу постепенно подобраться к главной его цитадели. <...> Он плохо кончит. Я не пророк, но я вижу, что если он вовремя не остановится, то погибнет совсем. Я знаю, он эти опыты (развития в себе оккультных сил) давно уже стал делать... Ему нужны точные, научные знания, а не фантазия и субъективизм»¹⁵. Все эти мысли старца Антония, вся его «педагогика», по сути вполне позитivistская, совершенно несовместимы ни с ментальностью Андрея Белого, ни с доктриной русского символизма. Любопытно только, узнал ли себя суровый аскет с длинной белой бородой в образе епископа из «Кубка метелей» – четвертой симфонии Андрея Белого?

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Цитируется по: Андроник, иеродиакон. Епископ Антоний (Флоренсов) – духовник священника Павла Флоренского // Журнал Московской Патриархии. – 1981. – № 10. – С. 12. Дальнейшие ссылки на эту публикацию в тексте с указанием номера журнала и страницы.

² Вологодские епархиальные ведомости. – 1894. – № 15. – С. 217-218.

³ Петровская Н. И. Воспоминания // Минувшее. Исторический альманах. - Вып. 8.- М., 1992.- С. 48.

⁴ Бердяев Н. А. Самопознание.– М., 1990. С.173-174.

⁵ Ельчанинов А. Епископ-старец. (Воспоминания об епископе Антонии Флоренсове) // Путь. Орган русской религиозной мысли. (Париж).– 1926. – № 4.– С. 127. «Орлецы – небольшие круглые ковры с изображением одноглавого орла, имеющего сияние вокруг головы и парящего над городом. Стоять на орлецах при богослужении дозволяется только архиереям... Вид города на орлеце указывает на епископство в городе, орел - на высоту и чистоту богословского учения епископа, сияние над головою орла - на свет от учения епископа» (Энциклопедический словарь/Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон. - Т. XXII. - СПб., 1897. - С. 155).

⁶ Там же. – С. 124.

⁷ Там же. – С. 125.

⁸ Бердяев Н. Самопознание.– М., 1990.– С. 174. Еще более определенно Бердяев говорил о старчестве в беседах с близкими ему людьми: «Нет, старчество – порождение человеческое, не Божеское. В Евангелие нет старчества. Христос – вечно молод» (Герцык Евг. Воспоминания. – Paris, 1973.– С. 121).

⁹ Белый А. Начало века.– М., 1990.– С. 290. Взятое Белым в кавычки слово «субъективист» означает, очевидно, отсылку к самохарактеристике Антония: «Субъективизма у меня много...» (Ельчанинов А. Епископ-старец... – С. 125).

¹⁰ Блок А. Собрание сочинений: В 8 тт. – Т.VIII.– М.; Л., 1963.– С. 84.

¹¹ Гиппиус З. Воспоминания.– М., 2001.– С. 151.

¹² Цитируется по: Белый А. Воспоминания о Блоке.– М., 1995.– С. 72.

¹³ Андрей Белый и Александр Блок. Переписка. 1903-1919.– М., 2001.– С. 151

¹⁴ Цитируется по: Лавров А. В. Андрей Белый в 1900-е годы.– М., 1995.– С. 167.

¹⁵ Ельчанинов А. Епископ-старец... – С. 125.